

АНДРЕЙ ФЕДИН

КОМСОМОЛЕЦ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ф32

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Федин, Андрей Анатольевич

Ф32 Комсомолец: роман / Андрей Федин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-163685-2

В СССР завершается «золотая пятилетка». Я снова студент-первокурсник. Когда-то друзья восторгались моей карьерой. Кто-то завидовал внешности и тому вниманию, что уделяли мне женщины. Но это все в прошлом — точнее, в будущем. Я настоящий в этом году еще не родился. Мне позволили прожить новую жизнь, но не объяснили, какую плату за это потребуют у меня «нового» — бывшего выпускника школы-интерната, чьим телом управляет сознание взрослого, но не всемогущего человека из будущего. Пока я могу не так уж много. Но и немало: спасти несколько человеческих жизней. Не потому ли именно я стал Комсомольцем?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163685-2

© Андрей Федин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Вступление

— С нек, вст в й!

Я приподнял тяжелые веки, сквозь влажную пелену увидел лицо склонившегося над мной человек .

— Э-э-э... д в й, д в й, — повторил мужчина . — Просып йся. Н м через сорок минут выходить. В втобусе будешь досып ть. П шк пошел ст вить ч йник. Умыв йся, д будем ч евнич ть.

Я протер гл з . Попыт лся сообр зить, что з п рень меня р збудил. Выглядел тот лет н дв - дц ть (плюс-минус год... скорее, плюс) — примерно, к к мой мл дший сын. Черноволосый, коротко стриженный, гл дко выбритый (я поморщился, уловив резкий неприятный з п х дешевого одеколон), с чуть р скосами к рими гл - з ми и то ли большой родинкой, то ли родимым пятном н д верхней губой.

«Сосед по п л те?» — промелькнул в голове дог дк . Мне пок з лось, что н хожусь в больнице, уж очень к зенными выглядели потолок и стены комн ты, где я проснулся. Н мысли о больничной п л те н водило и мет лическое изножье моей кров ти. А вот скрип кров тных

пружинок покзлся подозрительным: свежи были воспоминания о том, что пружинок кровтях встационрене было.

Я повернул голову, готовый в любое мгновение вновь ощутить боль в груди. Обежал взглядом тесную комнатушку. В подтверждение больничной версии увидел еще две кровати (куртнозпрвленные), постренькой тумбочке рядом с кроватью, пору столов, нелепые шторы окне. Но стойку с пельницей зменял громоздкий плтяной шкаф (в больничнойплте он смотрелся неуместно).

— Проснулся? — спросил прень. — Молодец. Двай, Снек, двигай умывться.

Я свесил с кровати ноги, поправил плечо лямку. Только теперь заметил, что одет странно: обнужил себе рстянутую и двноне белую майку-лкоголичку (такую же, что и нрзбудившем меня преньке) и просторные красные семейные трусы (не боксеры, обычные семейники, какие я не носил со школьных времен). Опустил голову, увидел у своих ног тпочки — старые, потрепанные и местами протертые, со стоптанными задниками, не уверен, что домашние.

Прень оставил меня в покое. Подошел к соседней кровати, выдвинул из-под нее сумку, принялся вынимать и складывать газеты. В комнате запах еды. Как в плцкрном в гоне. Я сглотнул слюну, проглатил зурчавший живот. Поиск взглядом свою одежду. Ни отутюженных брюк, ни джинсов,

ни д же спортивок поблизости не н шел. Увидел н ближ йшей тумбе небрежно брошенные вещи, в том числе и шт ны неприятного коричневого цвет .

— Э-э-э... д в й, С нек, — вновь обр тился ко мне черноволосый. — Опозд ем из-з тебя!

Я ук з л рукой н тумбочку.

— Это... моя одежд ?

— Ну не моя же, — ответил п рень. — Прорыш йся! Гор зд же ты дрыхнуть. Ср зу видно: в рмии не служил. В следующий р з р збужу тебя, к к только услышу будильник.

Он извлек из свертк кирпич хлеб , принялся н рез ть его большим ножом.

Я н тянул мешков тые шт ны, детского р змер н вид, но легко бы вместившие в себя двоих т ких, к к я. Н бросил н плечи подтяжки (никогд не носил их р ньше). Сдернул с мет лического изголовья полотенце, повесил его н шею. Подивился стр нной высоте мебели: я словно смотрел н нее, стоя н коленях (столешницы обычно едв дост в ли мне до бедр , эти же едв не дотягив лись до поясницы). З -глянул в тумбу, н шел т м зубную щетку (явно бэушную) и тюбик с зубной п стой «Поморин».

Повертел щетку в рук х. Точно не моя. Я бы т кую убогую никогд не купил. Н верное, дост л сь мне в н следствие от того, кто пользует лся тумбой р ньше. Чистить ею зубы точно не буду. Спрошу у персон л больницы, может, н йдут мне хотя бы однор зовую. Я повертел головой, но мусорной корзины не н шел. Решил,

что выброшу щетку в коридоре. Вст вил ноги в т почки (сын т кие приволок, или тоже ч сть н следств от другого больного?). Ш рк я ног - ми, н пр вился к двери. Но вдруг з мер. Потому что увидел в зерк ле свое отр жение.

Свое?

Молоденький п рнишк , что смотрел н меня из зерк л , тоже держ л в руке зубную щетку. Т к же, к к и я, щеголял в дур цком н ряде: р стянутой м йке и похожих н ш ров ры шт - н х с подтяжк ми. Вот только был лет н сорок меня мл дше, гор здо ниже ростом и... вообще н меня не похож. Я пом х л рукой. Белобры- сый п ренек в зерк ле повторил мой жест, будто действительно был моим отр жением. Я сдви- нул нижний кр й зерк л в сторону, с удивле- нием обн ружил поз ди него стену.

— С нек, чего ты т м себя р зглядыв ешь? — ск з л н рез вший хлеб черноволосый. — Пото- ропись! Опозд ем ведь!

Я только сейч с вычленил из его слов гл в- ное: «С нек».

Продолж л р зглядыв ть смутно зн комого п рня в зерк ле. «К кой, н хрен, С нек?» — про- мелькнул в голове мысль. И без того нем лень- кие гл з белобрысого п реньк открылись еще шире. Он в упор смотрел н меня — я пялился н него. Прикоснулся к подбородку (мы об сде- л ли схожие жесты), не почувствов л и н мек н бороду. А ведь помнил, к к нед вно подр в- нив л ее в б рбершопе. Меня побрили? Приж л л донь к м кушке (мы об приж ли), н шел т м

жиденькие волосы. Вместо привычной гладкой лысины.

Я тут же взглянул на свои руки. Увидел незнакомые широкие ладони (мои друзья обзывали их «лопатами»), нечто скромное, детское, с длинными и тонкими узелками на пальцах. Но это уже не в отрочестве! Я смотрел на свое тело, не в зеркало. «Насвое? Разве?» Согнул руки в локтях, не услышал привычных щелчков в суставах. Хотел ударить себя по щекам, чтобы проснуться и прогнать этот сон, в котором мои знакомые в тренировочном зале руки превратились в две тонкие безволосые чужие веревки.

Прижал к груди ладонь — по привычке, не потому что почувствовал сердечную боль. Отречение проделал тоже сам. Не передразнивал меня: оно и было моим отречением. Во всяком случае — в этом сне. Ведь я точно сплю. Медикаментозный сон? Не помню ничего похожего после прошлых инъекций. Или поз был? Разве меня в искусственную кому не вводили. Похоже, в этот раз мои дела действительно плохи, как и предсказывал тот молодой доктор, раз вижу (и ощущаю!) себя в чужом теле.

Сон. Это слово мне покалось хорошим объяснением всем увиденным странностям. Я сплю и вижу себя в странной больничной палате (или не в больнице?) рядом с незнакомым человеком (возможно, и знала его раньше, но теперь не помнил) и не в родном теле престарелого великана, в тщедушном тельце юнца. Вот и объяс-

нение тому, что мебель в комнате казалась мне высокой. Еще бы! Я-то привык смотреть на нее с двухметровой высоты, сейчас же во мне было от силы метр семьдесят (ну, может, на пару сантиметров побольше).

— Э-э-э... С нех! Да что ты там возишься?! Нешего серженити тебя нет. Онз просто бынучил просыпаться вовремя и быстро.

— С нех, — пробормотал я.

Нпоследок снов пробежалисьглазами по комнате. Три кровати, три тумбы, два стола, два стула, шкаф, зеркало, бордовые шторы, окно с грязными стеклами. Совсем не похоже на больницу. Если только он не из странного сна. Взгляд задержался на чемодане, что виднелся под моей кроватью. Старый, потертый, коричневый с металлическими углами. Я видел похожие чемоданы в кино (в тех же фильмах про войну). Привлек меня не его ретровид, а клеенчатая на него пожелтевшая бумага с короткой надписью «Александр Усик».

«Александр Усик, — мысленно повторил я. — С нех».

«Небольница», — подумал я, шагнув за порог комнаты. Вдохнул запах хлорки, поморгал, привыкая к скудному освещению. Посмотрел по сторонам. В удивлении вскинул брови (чужие, светлые, едва заметные). Коридор больницы во сне мог быть любым. Как и больничные планы.

Вот только этот коридор я узнал, пусть он и отличался в мелочках от тех его гипостасей, что мне доводилось видеть раньше.

Никогда не ходил он точно не в больничном корпусе, а в корпусе студенческого общежития. Тут не могло быть сомнений. Уж очень хорошо я помнил это место. Эту лестницу, эту вечно запертую дверь, что вел в проход к соседнему корпусу. В бытность моего студенчества эти стены украсили похвальные дипломы, линолеум пол пестрел многочисленными подлинниками — следствиями от брошенных на него окурков.

Еще я видел этот коридор с ровными и чистыми розовыми стенами, с кокетливыми лестничными перилами и выполненными под мрамор плитками пола — блестящими, новенькими. Только этот коридор я увидел, когда приходил в общежитие проводить своего младшего сына. Восхитился тогда хорошим ремонтом. И удивился стоявшим на каждом этаже столбами — постыми строгих дежурных.

Сейчас с дежурных я не увидел, как и столов (подобных нововведений не было здесь и во времена моей учебы — в начале девяностых). А вот плитками пола был — неприглядный, я бы даже сказал, странный, точно как в восточной комнате, которую я не ремонтировал с советских времен. Двери и стены, пусть и не красивые пошлыми фресками, казались унылыми, походили на больничные, те, что мне запомнились с детских лет.

Я обернулся, посмотрел на дверь. Отыскал взглядом три подтертые цифры, нарисованные

через три метра. Шестьсот восемьдесят комнат. Вот почему я стоял едва ли не посреди коридора. Моя бывшая комната (шестьсот сорок) находилась ближе к комнате с рюкзачком и веревочкой для сушки белья. Сын сейчас проживал в триста пятидесятой, это не третьем этаже, не шестом.

Удивительно, что мне приснилось именно это место, не то мое общежитие из девяностых. Для девяностых этот коридор выглядел более чем странно: слишком чистый (даже без сигаретных окурков на полу), без клубов табачного дыма в воздухе. Двери здесь открывались непривильно: внутрь комнаты (мы их собственными силами перевешивали, чтобы сложнее было выбить).

Я по привычке полотенце. Зашел привычным в студенческие годы маршрутом к комнате с рюкзачком (никогда не знал, как он привильно назывался). Удивлялся царившей вокруг тишине. Ни крика, ни музыки, ни воплей телевизора, ни пьяной ругани, ни даже смеха. Словно не общегородской детский сад. Не хлопала дверь, шарканье моих шапок звучало пугающе громко.

Не удержавшись, взглянул в тулету (вход туда ходился и против «помывочно-постирующей» комнаты). В бытность моей учебы тулету шестом этаже был всегда закрыт: и вечном ремонте. Приходилось спускаться этажом ниже, временами и двумя этажами, когда уровень феклий в уборной на пятом этаже поднимался до

порог комн ты. Дверь неожид нно подд л съ. Резко усилившийся з п х хлорки з ст вил меня чихнуть. Открыто.

Ст рые зн комые конструкции: н сесты н высоких помост х с дыр ми. Ник ких унит - зов. П мять воскресил их во сне в точности. Удивительно, что при этом он рисов л прочую обст новку общ ги т кой стр нной. Ведь это именно мой родной третий корпус. В этом я убедился, выглянув в окошко, когд мочился. Окн второго корпус н против. В некоторых горел свет, и это несмотря н то что н улице почти р ссвело.

Пошел умыв ться. Зн комые покосившиеся р ковины. Те же, что были здесь в девяностые (или очень похожие). Н н тянутых от стены до стены веревк х сохл одежд — стр нн я, словно вынут я из б бушкиного сундук , где ст рушк хр нил вещи покойного муж . Из неплотно з крытых кр нов к п л вод . Через открытую форточку в комн ту проник ли трели пробудившихся птиц.

Я подошел к окну, выглянул н улицу. Понял, что не ошибся: в этом сне я действительно очутился в З реченске, в студенческом общежитии Горного институт . И все же к ртин , что предст л перед моими гл з ми, выглядел и зн комой, и незн комой одновременно. Потому что проспект Ленин з окном смотрелся н удивление пустынным, тополя под окном к з лись хрупкими, совсем юными.

— Что з хрень? — ск з ля.

Подошел к рковине, подставил донь под
подвешенные из краев к плечи. Обнаружил, что вода
мокрая, как бы по-идиотски это ни звучало.
Сон удивлял своей реалистичностью. Я чув-
ствовал запах, слышал пение птиц и урчание
(своего?) живота, ощущал холодные прикосно-
вения к пельведы. Никакой сердечной боли
и нытья в суставах. Но языком обнаружил пу-
стоту вместо милого коренного зуба нижней
челюсти.

Посмотрел на осколок зеркала, висевший на
стене над раковиной, что у окна (в девяностые
его здесь не было). Зглянул в него. Увидел на-
стороженный взгляд водянисто-голубых глаз
светловолосого парня. Потрогал нос — па-
рень в зеркале тоже прикоснулся к своей чуть
приплюснутой переносице, нервно провел язы-
ком по пухлым губам. Не мое отражение. Но по-
чему внешность того мальчишки в зеркале мне
казалась знакомой?

«Александр Усик», — снова мысленно про-
изнес я, прислушиваясь к тому, каккие воспоми-
нения и ассоциации вызовут слова. Фамилия
нередкая. Мой знаком по экономике в Костомукше
носил такую же. Мелкие экраны телевизо-
ров ктеры Усики (или Носики?). Слышал про
боксер Усик, вот только имя его я не сумел
припомнить. Был ли среди всей той разношерст-
ной братии подобный щуплый индивид?

«А что, если я не сплю?»

Я рессматривал крохотную лужицу на своей
ладони.

«Что, если этот общег мне не снится? Что, если и он, и вот этот вод, и это тощярук ре льны?»

Водск тил съ с л дони, струйкой стекл в исп чк нную зубной п стой р ковину.

«Если сейч с не сплю где-нибудь в больнице, н к ч нный лек рств ми, тогд ... я умер?»

Посмотрел н (свое?) отр жение.

Большегл зый п ренек, что в зерк ле, не выглядел мертвецом. И не походил н г лю цин цию. Хотя... я понятия не имел, к к долж ны выглядеть н веянные лек рств ми г лю цин ции.

«Версия со смертью к жется не менее пр в доподобной, чем в ри нт со сном».

Провел рукой по щек м и почувствов л ред кие щетинки, но в мутнов том зерк ле их не видел.

«Но если я умер, то у меня стр нное посмер тие, — подум л я. — С другой стороны... А кто зн ет, к кое оно должно быть? Почему бы и не т кое?»

Н чин л поб лив ть голов . Пусть он и вы глядел чужой, но боль оощ л съ очень д же своей. Сердце не поддерж ло головную боль, что пор дов ло. В этом сне оно меня б лов ло.

Я снов по привычке потер грудь. Плеснул н лицо холодной водой, вполне ре льной, не иллюзорной. Проглотил несколько невкусных к пель. Сплюнул, потер виски. П рень в зер к ле повторял все мои действия. Я подмигнул ему...